

СУРОВЦЕВА Татьяна Николаевна (11 октября 1946, рудник Хапчеранга Читинской области, — 6 марта 2017, г. Иркутск). Окончила Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А.М. Горького. Член Союза писателей СССР с 1989. Автор книг стихотворений *«Я не живу за каменной стеной»* (самиздат КПУ), *«Остров веры»* (Иркутск, Восточно-Сибирское книжное издательство, 1982), *«Северная песня»* (Москва, «Современник», 1985), *«Крыло судьбы»* (Иркутск, Восточно-Сибирское издательство, 1988), *«Снежные птицы»* (Иркутск, «Письмена», 1999), *«Жизнь свою начинаю сначала»* (М., «Вече», 2016). Лирической героине Т.Н. Суровцевой присущи открытость, доверие к миру, способность сохранять душевное тепло в холоде сибирских пространств, возвышенность поэтического слова. За книгу стихов и переводов «Снежные птицы» в 2000 награждена Губернаторской премией. С 6-го класса жила в Чите, много читала, занималась в школьном хоре, каталась на коньках и занималась в секции спортивной гимнастики. В Иркутск приехала после окончания средней школы, здесь напечатала первые стихи в газете «Советская молодежь». Работая на международной телефонной станции, окончила библиотечное отделение Иркутского культпросветучилища, затем работала в библиотеках города. Осенью 1982 года в Новосибирске прошла конференция молодых писателей Сибири, где Татьяна Суровцева приняла участие как автор сборника стихов. По результатам обсуждения была устно рекомендована Сергеем Лыкошиным, представителем московской группы критиков, в члены Союза писателей СССР. Однако от этой рекомендации до приема в Союз прошло долгих семь лет. За эти годы вышли еще две книги: «Северная песня» (Москва, изд-во «Современник», 1985 г.) и «Крыло судьбы» (Иркутск, Восточно-Сибирское книжное издательство, 1988 г.). Книгу «Крыло судьбы» известный писатель и критик Станислав Золотцев назвал «прочной, цельной, сильной», заметив, что в ней стало больше «жертвенности, жажды уберечь от бед все родное и близкое». В 1989 году поэтесса была принята в Союз писателей СССР. В 1988 году она становится лауреатом премии им. И. Уткина. С 1991 по 1993 год молодая писательница проходила обучение на Высших литературных курсах при Литературном институте им. А.М. Горького в Москве. В 1999

году в издательстве «Письмена» вышла книга «Снежные птицы», куда вошли ее стихи, переводы с французского сказок для детей Марии Луизы Вэр, чьим творчеством Татьяна была увлечена.

«Стихотворения для меня всегда итог пережитого — не мгновенная вспышка мысли или чувства, но попытка соединить настоящее, прошлое, будущее — и человек в этом трехмерном пространстве... И все-таки могу сказать, что ставлю перед собой не мелкую цель, но всегда — сверхзадачу, которая ведет меня вперед встраиваться в новую реальность. Какой она будет? На пороге третьего тысячелетия будущее видится прекрасным, люди представляются высококультурными, гордыми, чистыми. Будет ли так — или иначе? Но поэт всегда должен быть выше повседневности. Так мне думается», — пишет Татьяна Суровцева. Лауреат премии им. Иосифа Уткина (1982, за книгу «Остров веры»). 6 марта 2017 года после тяжелой болезни ушла из жизни.

Все же мир — вдохновенье и тайна...

* * *

Ничего, никого, никогда
не забуду из лет облетевших.
Всё со мной: молодая вода
горной речки — дикарки безгрешной,
и рудничная грубая быль,
и за нежность жестокая плата...
Всё, в чем я без вины виновата,
все, что случай когда-то убил.
Тем, быть может, и жизнь хороша,
что не вычеркнуть дела и слова:
всё к тебе возвратится, и снова
улыбнётся и вздрогнет душа.

Не отречься от прожитых лет!
не догнать убежавшую воду,
но не гаснет особенный свет
над особенным временем года:
школьный сад сентябрём занесен,
репетиция, музыка, поздно...
Мы читаем по листьям и звёздам:
будет счастье — для всех и во всём!
...Тех забот золотая руда
стала пылью. Но разве напрасно
так же нежно, тревожно и страстно
те же звезды глядят сквозь года?!

* * *

...И вёсел узкие запястья,
летающие над водой,
И чайки вечное приращенье
к полету, к риску. И прибой
у берега — от черной баржи.
А на мосту — трамвайный бег.
Отсюда сладко нам и страшно
увидеть дно знакомых рек.

Зачем влечёт и что скрывает
стихия сумрачной воды?
И я стою и замираю,
как от предчувствия беды.
Как будто жизнь мою уносит
река в студеный океан,
в себе мешая синь и осень,
и ночь, и звезды, и туман.

Аршан

Вулканический прах на дороге,
вечных странствий бесстрастный мотив...
Простодушны бурятские боги,
им не надо ни жертв, ни молитв.
Божества плосколицые эти
не дано возмутить суете:
узкий взор созерцает столетья,
как круги на озерной воде.
Здесь шагай, да о вечности думай,
да гляди, не идёт ли гроза.
Здесь душа не бывает угрюмой,
не бывают пустыми глаза.
А когда обронённой монетой
под холмом засверкает аршан,

ты напьёшься шипучего света,
ясным холодом жизнь освежа!
Здесь наивные встретишь приметы
поклонения богу бурят:
подари ему денежку, ленту —
вот и весь немудреный обряд.
Укrotи городскую гордыню,
отплесни на полянку вина —
и к тебе подобреют отныне
духи гор и лесная страна.
В становище бессмертных деревьев
 удержи ускользящий миг:
молчаливые бродят поверья,
стерегут драгоценный родник...

* * *

«По диким степям Забайкалья,
Где золото роют в горах...»
По праздникам песня такая
Звучала в рудничных дворах.
А праздники круто справлялись!
Я помню, за нашим столом
Тоска и веселье казались
Затянутым насмерть узлом.
Я песни не знаю прекрасней!
Бродяга, в наш дом загляни:
Твой путь одинок и опасен,
Тебе эти люди сродни.

Дадут тебе хлеба и водки,
Фуфайку, чтоб легче жилось.
Уйдёшь ты тяжелой походкой
К Байкалу — в легенду, в мороз.
Уходит... А песня осталась:
Звенящие глухо слова.
Да детская острая жалость
К бродяге тому всё жива.
Легенда, печалью повита,
Вплелась в мои ранние дни.
Мгновенье забытого быта —
Звезда в черноте полыньи.

* * *

В слепую ночь Байкала посреди
Озёрных духов ты не разбуди.
Чтоб не восстали из холодных вод,
Судёнышко не взяли в оборот,
Не захлестнули б чёрною волной,
Не забросали дробью ледяной.
Четвёртый час мы бьёмся о туман.
Стоит туман, как белый истукан:
Над мёртвой зыбью руки распростер...
Невольно замер в рубке разговор.
Всё тяжелей дыханье водных масс...

Мы здесь, как цепью, скованы сейчас
Единой волей, чаюнем одним.
Спешит кораблик к огонькам родным,
К родной душе торопится душа,
Седым туманом вечности дыша.
Озёрных духов в эту злую ночь
Я вызываю — я прошу помочь.
Лучом звезды, что глазу не видна,
Родную душу высветить до дна.
Лучом любви хочу коснуться ран.
Да не разбиться б о слепой туман!

Владимиру Скифу

Рассвет на Байкале

Я волосы сушу на берегу:
холодных брызг в них набросали волны,
и волосы байкальским ветром полны,
и солнце в них ночует, как в стогу.
Встречаем утро в бухте голубой!
На серых скалах дремлющие чайки
срываются за первыми лучами,
кричат, с разлету падая в прибой.
Зеленый гимн у скал поёт вода,
и колокольни каменного века
гудят, ей подпевая.
Струны света
уходят в глубину, как невода.

По горизонту тянет лесовоз
гурты плотов, и труженики моря
негромкий порт Байкал увидят вскоре,
и вновь уйдут, и вновь потянут воз...
Скажите, неужели это я,
задерганная бытом горожанка,
гуляю здесь, где так свежо и жарко,
где бесконечен праздник бытия?
Хулу я поделила на хвалу.
Все не важнее травки-повилики —
здесь, где по склону кедр,
как Пётр Великий,
шагнул, корнями расколов скалу.

* * *

Спит человек у нашего костра.
Он из тайги. Один. Немногословен.
Он нашим чаем и костром доволен
И здесь проспит, как дома, до утра.
Его одежда дымом и смолой
Давно пропахла. Щёки побурели.
Пускай ладони прочно огрубели,
Зато улыбка не бывает злой.
Всю жизнь в тайге.
Премудрости её

Постиг он с детства.
Всё, однако, знает:
Где соболь спит, где лоси обитают
И как добыть из камня мумиё.
Он утром вскинет на плечи рюкзак.
Собаку кликнет. Ружьецо приладит.
И нам кивнет — и по сырой прохладе
Уйдёт. И горы заглянут в глаза.
Куда уйдёт по стыни голубой?
Какие тайны унесет с собой?

* * *

Был поцелуй среди зимы
И осторожен, и шершав...
Густели темные дымы
Над крышами чужих держав.
Цвёл иней, словно на луне,
День на излом был твёрд, как жесьть,
И, налетавшая извне,
На стёклах окон стыла весть
О всех тревогах на земле,
О том, что солнца в небе нет...
В пустой квартире на столе
Стыл чай с обломками галет.

Был дом, как скит, угрюм и пуст —
В нем одиночество твоё
Вставало, словно снежный куст,
И заполняло бытиё.
О, одиночеств наших зло,
О, отчужденья полоса!
Всезнанья битое стекло,
Зима, попавшая в глаза!
И, недоверчивые, мы
Молчали, нежность удержав.
И поцелуй среди зимы
Был осторожен и шершав.

* * *

Зачем Вам знать, как я жила в те дни,
Как было в доме холодно и пусто,
Как посреди всесильной толкотни,
Не умирая, теплилось искусство?
Оно горело свечкой на столе,
А не торшером около постели.
Раскачивали колокол метели,
И леденели ветки тополей.
К шести часам сгущалась темнота,

И бледным льдом надолго оплывало
Мое окно. Я напрочь забывала,
Что в мире есть любовь и доброта.
Так я жила. Чужая среди чужих,
У хитроумных не прося совета,
Зимы четыре и четыре лета.
Я умирала — но осталась жить.
Не Вы тогда в мою стучались дверь.
Зачем Вам знать, как я живу теперь?

* * *

Деревья стоят, словно кубки
Со снежным сыпучим вином,
И воздух, искристый и хрупкий,
Синицей звенит за окном.
Не здесь ли, в продрогших кварталах,
Моя потерялась душа?
Не здесь ли я счастье искала,
Метелью и мглою дыша?
И только тревожно светилось
Чужое окно на углу,

И только шоссе уносилось
Бессонным пульсаром во мглу.
И — мимо немых светофоров,
И — мимо взлетевшей руки —
Слепящих огней метеоры
И красных огней поплавки.
Пока я неспешно спешила
За счастьем — и мимо него,
Я, кажется, просто забыла
Значение слова сего.

* * *

Прощаю всех, кто был со мною груб:
Обида в сердце — не рубец на коже.
Вот день прошёл.
Он выстрадан и прожит,
А новый день как будто новый друг.
Прощу того, кто мне солгал не раз.
Желанье лгать — особый род болезни.
Здесь недостойна месть. Куда полезней
Лжеца дарить насмешливостью глаз.
Прощаю тех, кто около меня
Весь век живёт, меня не замечая.

Я тоже, право, в них души не чаю,
За семь печатей душу хороня.
Прощаю всех — затем, что старый друг
Ко мне приедет с первой электричкой,
С весенним ливнем,
с птичьей переключкой —
Нетерпелив его знакомый стук!
Каков ни есть: веселый он с утра
Или угрюм — пусть встанет на пороге.
Спасибо, рельсы, улицы, дороги:
Его душа всегда была добра.

* * *

Мне славно жилось той зимою:
Два светло-холодных окна,
Метель голосит за стеною,
Кольшется снега стена,
Прносятся снежные птицы
И снежную песню поют,
Летят ледяные зарницы
И дымные тени снуют.

И в этом метельном мельканье
С любимую книгой в руке
Я, как в штормовом океане,
Жила на своем острове.
И в этом мельканье метельном
Под мягко светящийся снег
Душою моей безраздельно
Владел девятнадцатый век.

И, словно педаль клавикордов,
Скрипела замёрзшая дверь...
Я воду носила, и в вёдрах
Плескалась живая форель!
При солнце, что ярче малины,
При ветре, студёном, как лед,

Мне снилось: княгиня Мария
Навстречу метели идёт.
Идёт, предвещая денницу,
Навстречу судьбе и молве,
И пушкинский стих, словно птицу,
Под шубкой несёт, в рукаве!

Памяти Александра Вампилова

Свет и печаль — на твоей остановке.
Легкие кроны летят в вышине.
Чудная странница — божья коровка
Капелькой крови упала ко мне
На руку... Друг! Сумасшедшее время
Здесь позабыло, откуда пришло...
Друг мой таинственный!
Память — не бремя,
А оброненное в воду весло —
Кружит, несётся в прозрачном теченье
Незамутнённой Реки бытия.
Мелкое всё потеряло значенье.
Суть — прояснилась. Ей нет забытья.
Лесом покрыты холмистые дали,
Скошены травы, и август примят.
Вольно дышать на последнем причале!..
Веток пихтовых сух аромат.

Стихи в сентябре

Какое утро! Лёд в стакане...
Река дымитса без огня.
Сегодня ль, завтра — время ранит,
нерасторопную, меня?
И далеко ль теперь до снега?..
Но я сегодня о другом:
о том, как щедро льётся небо
на всё, текущее кругом,
на всё изменчиво-земное,
живой и вечный, льётся свет.

А листья цвета зла и зноя
ложатся в мой недавний след.
От повседневности украдкой
я остаюсь наедине
с осенним легким беспорядком,
с хрустящим полуднем; и мне
легко — не видеть и не слышать
глухого грохота колёс
за робким шелестом над крышей —
тишайшей жалобой берёз.

...И в Евангелии от Иоанна сказано,
что слово — это Бог.

Н. Гумилев

Разменяв золотые года,
загляну в свою жизнь, как в колодец.
Утонула в колодце звезда,
из глуби серебрится вода,
а по краю — осенний морозец.
Что за птицы кричат надо мной?
Не могу разглядеть оперенья.
Что-то лик затуманился твой,
Богоматерь моя — Умиление.
Что-то сердце, не знавшее зла,
словно зимняя ночь, холодеет...

Лищедеи мои, незлодеи,
так откуда слепая хула?
Вы не знали, в своей простоте,
как бывает убийственно слово...
(А в евангелие от блудослова
слово — так, ветерок в пустоте.)
Разменяв золотые года,
жизнь свою начинаю сначала,
и летит из колодца звезда
в серебристую бездну — туда,
где она при рожденье сияла.

Моление о чаше

В безветрии душном томящийся сад
Беззвучно грохочет листвою,
А небо предгрозя — клубящийся ад —
Так низко висит над землей.
Как будто бы пепел горячий летит
С небес на лицо и на грудь.
И в страшном предчувствии сердце болит:
«Приблизился крестный мой путь».
Отужинав, крепко заснули друзья...
Будил — добудиться не смог.
Иуда исчез... И, сомненья дразня,
Змея заползла на порог.
Я ныне один в помертвевшем саду,
В бесплодной и страстной мольбе.
Не пот — это кровь выступает на лбу...
«Отец мой! Взываю к Тебе.
Сквозь молнию, Отче, на сына взгляни.
Земному земное прости.
От чёрного слова меня охрани
И Чашу вели пронести...»
Тяжёлые,
редкие капли стучат.
Небесная воля слепа.
Шаги... Голоса...
И светильников чад —
Там требует жертвы толпа.

«Иуда, и ты... Но тебя я прошу.
Я меч от врагов отведу.
Вовек не роптавший —
и днесь не ропшу.
Молчите! Я с вами иду.
Я с вами иду — я один ухожу
Высокой стезёю своей.
И вечно сверкающий путь проложу
Для грешных и смертных людей...»

Осенние полотна

Рисую осень. Жёлтый карандаш
очиниваю тоненько и длинно.
Вот жёлтый лист. Вот жёлтая долина,
вот жёлтый день — осенний ералаш.
Вот человек. Его не знала я.
Не берегла, не называла милым.
Не задержу: пускай проходит мимо,
в осенний парк, где смех и толчея.
Уходит пусть. Ему я не судья.
Его лица затем лишь я коснулась,
чтоб жажда жить в груди его проснулась,
преодолев инертность бытия.
Пускай он входит в полутёмный зал.
Он спит душой. Глаза его спокойны.
Но — музыкой я слух его наполню!..
Он встрепенулся! Он себя узнал.
Я окроплю неприхотливый лоб
Священной влагой Мысли и Страдания.
Скажу: смотри! И над громадой зданий
Зажгу заката алое крыло.
Лишь прикоснись — и пальцы обожжешь.
Не бойся же! Ожог не так опасен.
Быть может, мир ожогами прекрасен!
Где нет ожога — там продвигу ложь
да вечный страх за собственную кожу...

— Бойтесь? О, тогда не потревожу.
Мне Вас не жаль, ушедшего во тьму.
Из Ваших рук я хлеба не приму.
Ну, вот и всё. Сточился карандаш.
Не мне судить, удачна ли картина.
Теперь возьму — и клином журавлиным
Перечеркну осенний ералаш.